

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.И. Капелюшников

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
«НЕОЛИБЕРАЛИЗМА»**

Препринт WP3/2022/01

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
2022

ББК 65.02
УДК 330.8
К20

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Капелюшников, Р. И.
К20 Приключения «неолиберализма» [Текст] : препринт WP3/2022/01 / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. — 52 с. — (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). — 35 экз.

В работе рассматриваются генеалогия и метаморфозы концепта «неолиберализм». Это одно из наиболее модных и распространенных понятий, активно используемое сегодня в самых различных социальных дисциплинах — социологии, антропологии, истории, географии, гендерных исследованиях, теории международных отношений и т.д. Неолиберализм расценивается его критиками как самая успешная идеология во всей мировой истории. Он, как утверждается, составляет смысл и суть современной эпохи и является истоком всех проблем сегодняшнего мира — неравенства, бедности, изменения климата, глобализации, финансовых кризисов, пандемии COVID-19 и т.д. В первой части анализируются уникальные черты бытования этого концепта: отсутствие живых «неолибералов»; пейоративность (использование исключительно в качестве бранной клички); идеологическая асимметрия (присутствие только в лексиконе левых теоретиков); семантическая пустотность; безразмерность. Во второй части рассматриваются различные исторические инкарнации неолиберализма — от исходной, возникшей в Австрии в 1920-е годы, до современной. Показывается, что за время своего существования он не раз полностью менял смысл и оценочную окраску. Автор приходит к выводу, что этот концепт представляет собой ключевой элемент картины мира современных левых интеллектуалов, где он принимает вид безликого метафизического зла, распростершего крылья над всем человечеством и ведущего его от одной катастрофы к другой.

ББК 65.02
УДК 330.8

Капелюшников Ростислав Исаакович (rostis@hse.ru), член-корреспондент Российской академии наук (РАН), главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, заместитель директора Центра трудовых исследований (ЦеТИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Капелюшников Р.И., 2022

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй.

Александр Радищев

Введение

Настоящий текст представляет собой экскурс в историю идей. Как ясно из названия, речь пойдет о генеалогии и метаморфозах концепта «неолиберализм». В современных социальных дисциплинах это одно из наиболее модных и наиболее распространенных понятий, активно используемое в самых разных областях знания. По подсчетам, за последние четыре десятилетия вышло более 400 тыс. академических публикаций с его использованием; количество же посвященных ему публицистических текстов вообще не поддается исчислению. Благодаря феноменальной популярности, междисциплинарности и идеологической нагруженности «неолиберализм» предстает сегодня не просто как один из концептов, а как главный *метаконцепт* социальной мысли конца XX – начала XXI вв. В центре той картины мира, которая возникает при попытках теоретического осмысления современной эпохи, неизменно оказывается он.

Примерно до середины 1970-х годов термин «неолиберализм» оставался эзотерическим, почти не встречаясь в академической литературе. Однако на рубеже 1970–1980 гг. начинается экспоненциальный рост частоты его употребления, по ходу которого он получает права гражданства практически во всех науках об обществе (похоже, единственным исключением остается экономическая теория). «Неолиберализм», как он понимается сегодня, – это одновременно и особый тип идеологии и вырастающая из нее особая институциональная система. Его абсолютное идеологическое и политическое господство во всех сферах жизни современных обществ принимается большинством пишущих о нем как самоочевидный факт, не требующий доказательств.

Присутствие в слове «неолиберализма» префикса «нео» сигнализирует, что речь идет не просто о либерализме, а о некоем новом, модернизированном, модифицированном, небывалом, «инаковом» либерализме, отличным от того, каким он был первоначально при рождении. Однако на вопрос, в чем именно заключается его новизна, разные авторы отвечают по-разному, а некоторые, как ни странно, вообще отрицают, что она у него есть. Чаще всего его связывают

с проникновением прорыночной идеологии (что бы это ни значило) в институты власти и экономическую (и не только!) жизнь общества.

Если говорить о жанровой принадлежности настоящего очерка, то она двоякая. С одной стороны, его можно рассматривать просто как элементарную историческую справку, где в хронологическом порядке излагаются определенные события и факты. С другой, как упражнение в экзорцизме, поскольку концепт неолиберализма обладает всеми атрибутами самой настоящей нечистой силы и к нему полностью приложимы вынесенные в эпиграф слова Радищева про «стоzewное чудище».

Дальнейшее изложение распадается из три части. В первой я попытаюсь набросать обобщенный портрет «неолиберализма» в его современном понимании; во второй кратко коснусь семейства либерализмов без приставки «нео», существовавших до его появления; в третьей попробую реконструировать родословную этого концепта, поскольку за время своего существования он несколько раз полностью менял как содержательное наполнение, так и оценочную окраску.

Неолиберализм как господствующий дух времени

Возможно, самое важное для понимания «неолиберализма» в том смысле, какой чаще всего вкладывают в него сегодня, заключается в том, что он олицетворяет собой правящее современным миром абсолютное метафизическое зло. В этом амплуа он присутствует в социально-политической мысли уже более полувека, оттеснив на периферию любых иных потенциальных претендентов на ту же роль (включая даже понятие глобализации).

В посвященной неолиберализму критической литературе он изображается как главный, а по сути дела как единственный источник социального зла в современном мире. Именно на него возлагается ответственность за все нынешние беды и проблемы человечества, как реальные, так и мнимые, будь то бедность, неравенство, изменение климата, дерегулирование, системный расизм, проникновение денег в политику или «ужасы, связанные с глобализацией и повторяющимися финансовыми кризисами» [Jones, 2012]. Неолиберализмом сегодня объясняют любые негативные явления — от самых мелких до самых крупных. (Например, именно он, как нам сообщают, породил засилье реалити-шоу на современном телевидении

[Dunn, 2017].) Не будет преувеличением сказать, что это универсальный козел отпущения, которому можно вменить в вину все что угодно в зависимости от идеологических пристрастий того или иного теоретика. Война в Ираке, волна мусульманского терроризма в Европе [Van der Walt, 2016], Великая рецессия 2008–2009 гг., пандемия коронавируса – в конечном счете во всем этом виноват именно он. Кто-то может спросить: а почему виновником даже коронавирусного кризиса является неолиберализм? Ответ самоочевиден: а кто же еще? Больше-то ведь попросту некому...

Как мы узнаем из критической литературы по неолиберализму, он вездесущ, давно и глубоко проник во все поры общества, хотя внешне незаметен и неуловим, причем эта незримость делает его еще более зловещим: «Неолиберализм повсюду, но в то же время нигде» [Vonegoral, 2015, p. 165]. Как ни удивительно, но ему удалось захватить весь мир еще до того, как тот вообще узнал о факте его существования. Уже несколько десятилетий прогрессистские силы, вооруженные идеями марксизма и критической теории, ведут с ним непримиримую борьбу, но всякий раз, когда после очередного глобального кризиса, в который он ввергает человечество, начинает казаться, что его век подошел к концу, он непостижимым образом возрождается, продолжая сеять зло: «По существу нет <...> ни одного места на земле, куда бы не проник феномен неолиберализма <...> Он царит везде и всюду» [Laidlaw, 2015, p. 912].

Если говорить совсем кратко, то неолиберализм – это господствующий дух нашего времени: именно он составляет смысл и существо переживаемой нами эпохи. Те, кто рассуждает на связанные с ним темы, склонны рассматривать его на фоне всеобщей панорамы человеческой истории. Так, они описывают его как «капитализм в его тысячелетней манифестации» [Comaroff, Comaroff, 2000, p. 298]. По их представлениям, это «наиболее успешная идеология во всей мировой истории» [Anderson, 2000, p. 17]. Оказывается, что «все мы живем в эпоху неолиберализма» и что «это доминирующая идеология, формирующая сегодня наш мир» [Saad-Filho, Johnston, 2005, p. 5]. Утверждение неолиберальной системы – эпохальное событие как в концептуальном, так и в политическом плане. Переход к ней стал «революционным поворотным пунктом мировой социальной и экономической истории» [Harvey, 2005, p. 2], полностью изменившим и сознание и реальную жизнь современных обществ.

В сфере практической политики неолиберализм принял форму «экономического цунами, пронесшегося за несколько последних десятилетий по всей планете» [Ong, 2006, p. 1]. Он заявил о себе как о «доминирующей и всепроникающей программе экономической политики нашего времени, мощной и экспансионистской политической программе классового господства и эксплуатации, манифестации “возрождающегося капитала”, всеобъемлющем зловещем духе эпохи позднекапиталистических эксцессов» [Vonegoval, 2015, p. 165]. Последствия реализации этой программы ожидаемо катастрофичны, поскольку за ней скрывается «антигуманная, антисоциальная и потенциально человеконенавистническая идеология, циничное проявление незримых анонимных сил, стремящихся эксплуатировать большинство и весь мир в интересах меньшинства» [Hartwich, 2009, p. 1]. Под влиянием неолиберальных идей на рубеже XX–XXI вв. в мире восторжествовала «гегемонистская система растущей эксплуатации большинства», «глобальная система по насаждению власти меньшинства, разграблению наций и разрушению окружающей среды» [Saad Filho, Johnston, 2004, p. 2]. Деструктивные плоды деятельности этой системы видны невооруженным глазом: «Нетрудно распознать зверя, когда он вторгается на новые территории, попирая бедных, подрывая права и возможности и преодолевая сопротивление посредством комбинации политического, экономического, правового, идеологического и медийного давления внутри отдельных стран, которое подкрепляется международным шантажом и, если потребуется, военной силой» [Ibid.].

Таким образом, неолиберализм выступает как идеология, отражающая новейшую стадию развития капиталистической системы [Thorsen, 2011, p. 172]. Исторически он возник как глобальный «политический проект, направленный на восстановление власти капиталистического класса после экономического и социального кризиса 1970-х годов» [Van Apeldorn, Overbeek, 2012, p. 4]. Его сверхзадачей было и остается спасение и укрепление капитализма как социальной системы, то есть обеспечение условий для бесперебойного накопления капитала, приносящего высокие прибыли. В этом качестве он служит интересам бизнеса, финансового капитала и транснациональных корпораций в ущерб интересам рабочего класса и социальных меньшинств.

Едва ли не главное, чем он озабочен на практике, — это «установление доминирования над жизнью общества гигантских корпораций» [Crouch, 2011, vii], прежде всего — транснациональных. Острее всего транснациональный капитал нуждается в поддержании стабильности мировой экономики. Для этого он прибегает к манипулированию в своих интересах как национальными правительствами, так и международными институтами, вроде Международного валютного фонда, Всемирного банка, Всемирной торговой организации и других, а при необходимости даже к военной мощи крупнейших держав (таких как США), обеспечивая этой хищнической стратегии идеологическое прикрытие. Через насаждение идеологии рынка и распространение западных (прежде всего — потребительских) ценностей он способствует все большей концентрации власти и богатства в руках корпораций и других элитных групп. Его идеал — рынок, не сдерживаемый государственным регулированием и перераспределительной фискальной политикой, то есть возврат к худшим чертам безудержного «антисоциального» капитализма, существовавшего еще до того, как социализм и идеология государства благосостояния бросили ему вызов, попытавшись если не заменить его, то хотя бы его ограничить.

Наверное, наиболее энергично и красочно высказался по этому поводу известный мексиканский революционер субкоманданте Маркос, прямо заявивший, что неолиберализм — это синоним Четвертой мировой войны и что его конечная цель — «превратить весь мир в один огромный торговый центр, где можно будет покупать индейцев здесь, а женщин там» (цит. по: [<http://www.globalexchange.org/campaigns/econ101/neoliberalDefined.html>]).

Экзотические черты

Стоит, однако, присмотреться к концепту «неолиберализм» повнимательнее, как у него обнаруживаются достаточно необычные черты. Во-первых, как остроумно заметил американский историк Ф. Мэгнесс, он выглядит как настоящий полтергейст [Magness, 2018]: о нем непрерывно говорят на всех углах, про него ежегодно выходят тысячи статей и книг, его разоблачением заняты легионы теоретиков, однако людей, которые сами осознавали бы себя неолиберала-

ми, не существует: их физически нет. Во-вторых, это не аналитический (то есть не нейтральный), а насквозь пейоративный термин, который на практике используется исключительно как бранная кличка с тем, чтобы дискредитировать личность и взгляды оппонента. В-третьих, в пользовании им наблюдается строгая идеологическая асимметрия: он присутствует в лексиконе только интеллектуалов левого толка (наследников марксизма и критической теории), тогда как авторы, принадлежащие к иным частям политического спектра, его принципиально избегают и практически никогда к нему не обращаются. В-четвертых, и это, возможно, главное, этот термин семантически пуст: у него отсутствуют какие-либо устойчивые, твердо закреплённые за ним референты в реальном мире. Как показывает анализ его употребления, он может означать все что угодно, а следовательно, не означает ничего: разные авторы по своему желанию наделяют его диаметрально противоположным смыслом. Следствием семантической пустоты становится его безразмерность: и в качестве существительного («неолиберализм»), и в качестве прилагательного («неолиберальный») он может адресоваться практически любым социальным феноменам и любым персоналиям. Вполне достаточно, чтобы эти феномены или персоналии вызвали у критиков неолиберализма неприятие и осуждение.

Слово-призрак. Возможно, самое необычное свойство концепта «неолиберализм» заключается в том, что в современной социальной мысли он присутствует в виде призрака-невидимки: «Хотя есть множество тех, кто раздаёт или получает титул неолиберала, нет никого, кто принял бы это прозвище на свой счёт и называл бы себя так. Не существует никакого современного направления мысли, которое именовало бы себя неолиберализмом, никого, кто считал бы себя теоретиком неолиберализма, занятым его разработкой, никаких политических деятелей или практиков, пытающихся его реализовать. По этому предмету не существует ни базовых учебников, ни продвинутых курсов, ни преподавателей, ни учебных программ, ни изучающих его студентов, нет политиков или предвыборных манифестов, которые обещали бы воплотить его в жизнь (хотя нет недостатка в тех, кто обещает его низвергнуть)» [Vonegopal, 2015, p. 179]. Действительно, у неолиберализма есть множество противников, стремящихся с ним покончить, но совсем нет сторонников, собирающихся его внедрять, — если, конечно, не считать тех, кого произвольно назна-

чают неолибералами его критики: «Самая удивительная характеристика неолиберализма заключается в том, что сегодня практически невозможно найти человека, который определял бы себя как “неолиберала”. В прежние времена идеологические битвы велись, скажем, между консерваторами и социалистами, коллективистами и индивидуалистами. И хотя никакого согласия между этими враждующими группами быть не могло, по крайней мере, они сошлись бы на том, что действительно являются теми, за кого себя (или их) выдают. Социалиста не оскорбит, если бы консерватор назвал его социалистом, и наоборот. В отличие от этого в сегодняшних спорах о неолиберализме те, кого обвиняют в неолиберальных взглядах, никогда не назовут себя “неолибералами”» [Hartwich, 2009, p. 2].

В итоге неолиберализм предстает как уникальная идеология, у которой по каким-то необъяснимым причинам нет и никогда не было живых сторонников из плоти и крови: «Обратившись к элементарному, казалось бы, вопросу о том, кто на самом деле исповедует неолиберализм, легко обнаружить, что реально почти никто не придерживается этой якобы доминирующей парадигмы. Практически не существует реальных людей, которые бы называли себя “неолибералами” – которые бы отстаивали, принимали или пытались внедрить “неолиберализм” в экономику. И никогда не было» [Magness, 2019]. Впрочем, это нисколько не мешает тем, кто теоретизирует на темы неолиберализма, изображать этот глобальный полтергейст вполне реалистически – как «сотворенное по сознательному плану злобное существо, которое использует власть в своих интересах, сея по всему миру хаос и разрушение среди обездоленных людей ради собственной наживы» [Magness, 2018].

В конечном счете получается так, что неолиберализм никогда не говорит от своего имени: за него всегда говорят его критики.

Пейоративность. Еще одно важнейшее отличительное свойство концепта «неолиберализм» – его пейоративность. В современном политическом дискурсе он используется не как аналитический или дескриптивный термин, а как уничижительное прозвище: «Неолиберализм определяется, концептуализируется и используется исключительно теми, кто находится по отношению к нему в явной оппозиции, так что само употребление этого слова имеет двойной эффект – идентификации самого себя как не-неолиберала и вынесения негативного морального приговора предполагаемому неолибералу.

Как следствие, даже в сухих ученых трактатах, неолиберализм часто изображают с использованием риторических приемов окарикатуривания и поношения, а не анализа и обсуждения» [Vonegopal, 2015, p. 179]. В современных социальных дисциплинах он служит «универсальной обличительной категорией» [Flew, 2014, p. 51].

Будучи чисто пейоративным, этот концепт, по сути, используется с единственной целью — дискредитировать предполагаемого неолиберала как носителя социального зла, не вступая с ним в предметный спор: «Если неолиберализм почти никогда не определяется, если он может означать все, с чем вы не желаете соглашаться, то становится понятно, что он возник не из попыток получить теоретическое знание, а из желания опорочить своих политических оппонентов. Таким образом, ярлык неолиберализма стал частью политической риторики, хотя и в качестве оскорбления, практически лишенного какого бы то ни было содержания» [Hartwich, 2009, p. 2].

Как показывает практика, издевательский ярлык «неолиберала» навешивается на любого несогласного или недостаточно согласного с прогрессистскими взглядами, которые априорно принимаются за единственно возможный моральный стандарт: «Функционально “неолиберализм” служит как аморфный ярлык для обозначения экономически враждебного “другого”. Он определяется прежде всего фактом противостояния позиции авторов, принадлежащих к крайне левому экономическому флангу, которая аксиоматически предполагается и нормативно преподносится в качестве заведомо лучшей этической системы. Таким образом, быть названным “неолибералом” значит противостоять нормативному лефтизму, подвергаясь за это поношениям» [Magness, 2021]. Получить позорное клеймо «неолиберала» значит быть приговоренным к моральному осуждению за то, что вы против бедных, апологет богатых и сторонник увеличения экономического неравенства: «Уничижительный посыл, отличающий это прозвище, возникает из убежденности говорящего в том, что он служит общему делу экономической и политической справедливости, которому мешают только корыстные интересы неолиберального оппонента» [Magness, 2020].

Идеологическая асимметрия. Все комментаторы единодушно отмечают еще одну странность — к концепту «неолиберализм» апеллируют почти исключительно противники философии свободного рынка, тогда как ее сторонники никогда им не оперируют и на него не

ссылаются. Эта идеологическая асимметрия настолько абсолютна, что даже характеризуется некоторыми авторами как «загадочная»: «Бросающаяся в глаза загадка, с которой сталкивается любой, кто хочет более подробно изучить неолиберальную идеологию, заключается в том, что, похоже, нет никого, кто писал бы о неолиберализме сочувственно или хотя бы нейтрально <...> Практически все пишущие о нем делают это в рамках критики неолиберальной идеологии или того, что они за нее принимают» [Thorsen, 2011, p. 172].

Действительно, те, кто относят себя к сторонникам классического либерализма, никогда не именуют себя «нелибералами» сами и резко возражают, когда их пытаются аттестовать так другие. Причина проста: они прекрасно понимают, что термин «неолиберализм» — это дискурсивное оружие, прямо и недвусмысленно направленное против них. Так, известный индийский экономист Д. Лал назвал выражение «неолиберализм» «бессмысленной мерзкой фразой» [Lal, 2006, p. 237]. Перуанский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе М. Варгас Льюса высказался по этому поводу более развернуто: «На протяжении всей своей некороткой карьеры я не имел чести познакомиться ни с одним неолибералом. Что вообще значит “неолиберал”? Против чего он, собственно, выступает? Назвать кого-либо “неолибералом”, по сути, ничем не лучше, чем, скажем, “полулибералом” или “псевдолибералом”. Это термин придумали не для того, чтобы обозначить концептуальную реальность, а скорее в качестве разрушительного оружия осмеяния, изобретенного с целью семантически обесценить теорию либерализма» [Vargas Llosa, 2000]¹.

Семантическая пустотность. Критики неолиберализма сами описывают его как «аморфное» и как «часто используемое, но плохо определяемое понятие» [Mudge, 2008, p. 703]; оно «вездесуще», но в то же время «размыто» [Clarke, 2008, p. 135]; оно «меняет свой облик от публикации к публикации» [Castree, 2006, p. 1]; «и то, что им обозначается, и то, что им объясняется, порождает неразбериху и путаницу» [Turner, 2008, p. 2]; «это ускользающее понятие, интеллектуально невнятное и политически бесполезное» [Dunn, 2017, p. 436]. Оно страдает от «странного сочетания чрезмерно широкого охвата с недоопределенностью смысла» [Brenner et al., 2010, p. 2] и способно

¹ Еще пример: знаменитый британский журнал *Economist* позиционирует себя как журнал *классического либерализма*. Поэтому когда в его публикациях встречается слово «неолиберализм», оно всегда берется в кавычки.

становиться «ключевой категорией, используемой при интерпретации и объяснении любых политических программ в самом разном контексте» [Rose et al., 2006, p. 97].

Лейтмотив критической литературы по неолиберализму – жалобы на то, что он ускользает от любых попыток его определить: до сих пор «сколько-нибудь ясное и непротиворечивое определение неолиберализма отсутствует» [Hartwich, 2009, p. 1–2]; «с содержательной точки зрения у неолиберализма в его современном словоупотреблении нет почти никакого общего знаменателя» [Vonegopal, 2015, p. 145]; «чисто теоретически определить его невозможно» [Saad-Filho, Johnston, 2004, p. 1]; «большинство попыток придать этому термину большую точность остаются тщетными» [Magness, 2021].

Специальный контентный анализ, проделанный Т. Боасом и Дж. Ганс-Морзе, показал, что этот концепт действительно семантически пуст, меняя смысл от автора к автору, от работы к работе: его используют для обозначения множества самых разных явлений, зачастую не имеющих между собой ничего общего [Boas, Gans-Morse, 2010]. Его можно сравнить с бездонным резервуаром, куда без разбора сливают все что угодно (точнее – что *неугодно*) тому или иному радикально настроенному автору.

В конечном счете «неолиберализм» предстает как перегруженный и громоздкий термин, занимающий текучую и расплывчатую смысловую территорию, которая по желанию может произвольно расширяться и сжиматься сразу в нескольких измерениях, но у которой отсутствуют устойчивые референты в реальном мире².

Безразмерное слово-паразит. В современных публикациях – как академических, так и неакадемических – «неолиберализм» функционирует как слово-паразит, способное «приклеиваться» к кому угодно и к чему угодно: «Оно употребляется настолько широко и означает такое множество различных вещей, что становится почти неправдоподобно расплывчатым. Опыт социальных изменений в отдельных странах, не сводимый ни к какому общему знаменателю, обесмысливает то всеохватное определение, которое дается ему в

² В частности, критики неолиберализма никак не могут договориться, что же он все-таки означает: то ли уход государства из экономики и возврат к системе *laissez-faire*, то ли, напротив, все более активное вмешательство государства в интересах капитала и крупнейших корпораций. Есть немало авторов, которым удастся придерживаться этих взаимоисключающих точек зрения одновременно.

большинстве текстов, посвященных неолиберализму [Dunn, 2017, p. 436]. Сегодня оно сделалось «настолько безразмерным и рыхлым, что почти ничего уже не значит» [Laidlaw, 2015, p. 914]. Сфера его употребления практически безгранична. Каждый год мы становимся свидетелями рождения все новых и новых конструктов, куда оно оказывается включено в качестве определяющего элемента.

Вот далеко не полный перечень явлений и понятий, с которыми свободно может сочетаться эпитет «неолиберальный»: «Государство, пространство, логика, техника, технологии, дискурс, дискурсивная рамка, идеология, способ мышления, проект, повестка, программа, правление, меры, режимы, развитие, этноразвитие, видимость развития, глобальные формы контроля, социальная политика, мультикультурализм, ревизия культуры, менеджеризм, реструктуризация, реформа, приватизация, нормативные рамки, корпоративное правление, хорошее корпоративное правление, НПО, третий сектор, субъекты, субъективация, индивидуализация, профессионализация, нормализация, рыночная логика, рыночные формы расчетов, деэтизация правительств и обезгосударствление государств» [Clarke, 2008, p. 138].

«Неолиберальными» могут объявляться целые страны, хотя было бы напрасно искать здесь какую-либо логику. Так, современная Австралия почему-то оказывается «не-неолиберальной», а Сирия Б. Асада «неолиберальной». По ироническому замечанию известного британского антрополога Дж. Лэйдлоу, это всего лишь вопрос времени, когда кому-либо придет в голову мысль назвать «неолиберальной» Северную Корею Ким Чен Ына [Laidlaw, 2015].

Ярлык «неолиберализма» навешивается на самые различные направления мысли и практической политики, которые могут не иметь между собой ничего общего, но которые почему-либо вызывают острое неприятие у того или иного автора. Здесь и рыночная экономика, и экономическая наука, и консерватизм, и анархизм, и либертарианство, и авторитаризм, и милитаризм, и практика коммодификации, и левоцентристский или рыночный прогрессизм, и глобализм, и социал-демократические государства благосостояния, и сторонники или противники иммиграции, и сторонники или противники международной торговли и глобализации, и тэтчеризм, и социализм с китайскими чертами — и так далее практически до бесконечности» [Magness, 2021]. Иллюстрируя всеядность неолиберализма в качестве объяснительного принципа, Дж. Лэйдлоу отмечает, что ссылками на

него объясняют, в частности, «изменения в моделях родительства в странах Карибского бассейна, торговлю поддельными брендовыми хиджабами в странах, где исламизм находится на подъеме, маргинализацию малайцев в Сингапуре, антигомосексуальное законодательство в Уганде, а также образовательную политику в Марокко» [Laidlaw, 2015, p. 912].

Наконец, от получения позорного клейма «неолиберала» не застрахован ни один политик, ни один исследователь и ни один международный институт. Среди тех, на ком оно когда-либо ставилось, мы встречаем А. Пиночета, Дэн Сяо Пина, М. Тэтчер, Р. Рейгана, Дж. Картера, Ф. Миттерана, Т. Блэра, Э. Гора, Б. и Х. Клинтон, Д. Трампа, А. Гринспена, С. Хантингтона, Ф. Фукуяму, Л. Саммерса, Дж. Стиглица, П. Кругмана, представителей Чикагской школы экономики, представителей Австрийской школы экономики, представителей Вирджинской школы экономики, всех экономистов-специалистов по макроэкономике, МВФ, Всемирный банк, ВТО, сторонников политики идентичности³ и т.д. Действующая здесь механика достаточно проста: поскольку неолиберализм — это сленговое слово-маркер левых интеллектуалов, постольку в «неолибералы» автоматически попадают все, кто придерживается менее радикальных взглядов, чем их собственные. Чем более левые позиции занимает тот или иной теоретик, тем шире оказывается круг «неолибералов», подлежащих разоблачению и критике.

Приведенные перечни наглядно иллюстрируют фактическую безразмерность термина «неолиберализм»: «Сегодня понятие неолиберализма используется настолько широко и означает настолько разные вещи, что стало до неприличия невнятным» [Dunn, 2017, p. 436]. От риска попадания под эту рубрику — в зависимости от идеологических пристрастий отдельных авторов — не свободен никто и никогда. Едва ли нужно доказывать, что существование подобного семантического месива открывает широчайшие возможности для исследовательского произвола и по большому счету делает всю критическую литературу по неолиберализму лишенной какого-либо предметного содержания: «Категория неолиберализма фактически пуста» [Laidlaw, 2015, p. 912].

³ Один известный российский публицист (не будем называть его имени) недавно усмотрел новейшее воплощение неолиберализма в идеологии BLM (Black Lives Matter).

Впрочем, концептуальный хаос, царящий сегодня вокруг этого понятия, существовал далеко не всегда — хронологически, как будет показано ниже, это достояние трех-четырех последних десятилетий. Но прежде чем говорить о сравнительно недавней истории, когда этот хаос собственно и возник, имеет, наверное, смысл обратиться сначала к более давним временам и хотя бы кратко коснуться предшественников концепта «неолиберализм» — различных версий либерализма без префикса «нео».

Отступление: либерализм с предикатами и без

Вполне понятно, что первоначально понятие «либерализм» существовало без каких-либо предикатов или префиксов — как «просто» либерализм. Необходимость в уточняющих определениях (о каком именно либерализме идет речь в том или ином случае?) возникла не раньше конца XIX в., а до этого он прекрасно обходился без них: при любых его упоминаниях всем было понятно, о каком комплексе идей идет речь.

Фигурирующая во всех энциклопедиях каноническая версия происхождения «либерализма» как социально-политического концепта гласит, что впервые он приобрел такое значение в эпоху наполеоновских войн, когда группа политических активистов в Испании создала новую партию, назвав ее «либеральной». Затем введенное ими понятие быстро распространилось по всему свету, переключившись, в частности, с континента в Великобританию. Однако новейшие изыскания, предпринятые американским экономистом Д. Клейном, рисуют совершенно иную картину [Klein, 2014]. Они показывают, что и с точки зрения хронологии, и с точки зрения географии каноническая версия явно ошибочна.

Приблизительно до последней трети XVIII в. эпитет «либеральный» использовался в Европе исключительно в неполитическом значении, пересекаясь по смыслу с такими словами обывденного языка, как щедрый, терпимый, великодушный, свободомыслящий, благородный, изящный и т.д. Скажем, в ходу были выражения *liberal arts* (свободные искусства), *liberal occupations* (свободные профессии), *liberal education* (свободное образование). Первым, кто придал этому слову политическое значение, был известный британский историк, друг и коллега Адама Смита, Уильям Робертсон (1721—1793). Описы-

вая в своем труде «Царствование императора Карла V с рассмотрением прогресса общества в Европе» [Robertson, 1769] историю Ганзейской лиги, он отмечал, что она способствовала «распространению по всей Европе новых более либеральных идей, касающихся справедливости и порядка». Развивая его языковую новацию, Смит в «Богатстве народов» (1776) вводит уже целый ряд таких словосочетаний, как «либеральная система», «либеральные принципы», «либеральная доктрина» (применительно к учению физиократов), «либеральный план равенства, свободы и справедливости» [Смит, 2007]. Поздравляя Смита с выходом его книги, Робертсон писал ему, что она представляет собой действенное противоядие от «иллиберальных установлений» и что ей суждено «стать политическим и коммерческим кодексом для всей Европы, с которым предстоит часто сверяться как практикам, так и теоретикам» (цит. по: [Klein, 2014]). Анализируя частоту употребления термина «либеральный» в текстах того времени, Клейн показывает, как после публикации «Богатства народов» (то есть примерно с середины 1770-х годов) наблюдается взрывной рост его использования.

В своем новом значении слово *liberal* практически сразу входит в политический лексикон Великобритании: оно начинает использоваться в парламентских дебатах и даже встречается однажды в речи короля Георга III при открытии парламента [Ibid.]. Вслед за тем оно быстро проникает в языки других европейских стран, а в начале XIX в. становится самообозначением для ряда политических партий — сначала в Испании (см. выше), а затем в Швеции, Франции и Великобритании. Таким образом, вопреки канонической версии миграция данного термина шла с Британских островов на континент, а не наоборот. Фактически его появлением на свет, как и рождением многих других замечательных идей и вещей, мы обязаны деятелям Шотландского просвещения⁴.

На протяжении большей части XIX столетия термин «либерализм» существовал сам по себе, без каких бы то ни было предикатов, поскольку в первом приближении все одинаково понимали, какой набор идеалов, принципов и политических установок за ним стоит. Он

⁴ Что касается существительного «либерализм» в качестве имени для обозначения определенного комплекса идей, то оно, по свидетельству лорда Актона, впервые встречается в 1807 г. в одной из работ знаменитого французского мыслителя консервативного направления Ф.Р. Шатобриана (1768–1842).

однозначно отсылал к взглядам таких мыслителей, как Дж. Локк, Д. Юм, А. Смит, Б. Констан, А. Токвиль, Дж. С. Милль, Ч. Спенсер, лорд Актон, и прочно ассоциировался с такими идеями, как неприятие произвольной власти государства, верховенство права, равенство перед законом, свобода совести, свобода слова, свобода объединений, свобода передвижения, ограниченное правление, конституционализм, баланс ветвей власти, защита частной собственности, свобода договоров и торговли.

Ситуация меняется ближе к концу XIX столетия, когда в Великобритании появляется первый альтернативный либерализм с эпитетом «новый», после чего либерализмы с самыми различными предикатами начинают расти как грибы. В разных странах в разные периоды времени он мог оказываться и «социальным», и «позитивным», и «прогрессистским», и «ревизионистским», и «модернизированным», и «современным», и «левым» и т.д. Только тогда для того, чтобы отделить первоначальный либерализм от его позднейших инкарнаций, возникает необходимость говорить о *классическом* либерализме, каким он был при рождении. Соответственно, имя «классических либералов» принимают на себя те, кто продолжает и развивает эту традицию, отвергая более поздние «предикатные» версии⁵.

Формально сохраняя верность центральной идее свободы, британский «новый» либерализм Т. Грина (1836–1882), Л. Хобхауза (1864–1929), Дж. Гобсона (1858–1940) и других реформистски настроенных мыслителей конца XIX – начала XX вв. подверг ревизии многие из базовых принципов своего предшественника.

Так, классический либерализм исходил из негативной концепции свободы, когда она понимается как состояние неподвластности ничьей чужой воле, то есть как свобода от физического насилия или угрозы насилия со стороны других индивидов или их групп, а также государства. Человек признается свободным, когда при преследовании своих целей он действует исходя из собственных представлений, по своему решению вступает в добровольные отношения с другими людьми и распоряжается собой и своей собственностью так, как считает нужным, уважая при этом права остальных членов общества действовать таким же образом. Новым либерализмом такой подход

⁵ Подробнее о традиции классического либерализма в политической философии см.: [Mask, Gaus, 1904].

был признан устаревшим и анемичным. Он перешел к альтернативной — позитивной — концепции свободы, когда она понимается как наличие у индивидов материальных и духовных возможностей для самореализации и внутреннего развития, фактически — как их обеспеченность ресурсами, необходимыми для достижения своих целей⁶.

Для новых либералов свобода «для» (в первую очередь — для личного развития) была намного важнее свободы «от» (в первую очередь — от вмешательства государства в частную жизнь людей). Естественно, что подобная свобода достижима только при наличии благоприятных социальных и экономических условий. Поэтому если у каких-то социальных групп не достает ресурсов (как материальных, так и духовных) для ее осуществления, государство должно их им предоставить. Оно призвано устранять помехи, стоящие на пути реализации позитивной свободы — такие как бедность, невежество, неравенство, безработица, болезни и т.д. Негативная свобода недостаточна: она не только не устраняет подобного рода препятствия, но и сама может становиться их источником (скажем, обрекая наемных работников на бедность вследствие низкой оплаты, она не позволяет им достигать самореализации). Поэтому государственное вмешательство, направленное на их преодоление, представляет собой не угрозу свободе, а ее гарантию⁷.

Кроме того, в новом либерализме был поставлен под сомнение ключевой тезис классического либерализма о том, что между личной свободой и рыночным порядком, опирающимся на частную собственность, существует неразрывная внутренняя связь. Частная собственность стала рассматриваться не столько как условие свободы, сколько как источник неравенства, с которым необходимо бороться. Отсюда — озабоченность политическими и социальными правами при фактическом безразличии или даже враждебности к экономическим

⁶ У концепции позитивной свободы есть еще одно важное измерение, когда она трактуется как особое внутреннее состояние — как высвобождение из-под власти иррациональных импульсов и побуждений, мешающих индивидам достигать своих «подлинных» целей и раскрывать свое «подлинное» Я, иными словами — как абсолютный рациональный контроль над самим собой (Т. Грин).

⁷ Можно сказать, что если в классическом либерализме свобода рассматривается как *социальный*, то в новом либерализме как *физический* феномен, поскольку в нем понятие свободы было де-факто отождествлено с понятием богатства (ресурсной обеспеченности).

правам. В новом либерализме они стали наделяться разным статусом: высшая цель — это обеспечение политических и социальных свобод, так что в тех случаях, когда экономическая свобода становится препятствием для их осуществления, ее следует подавлять и регламентировать. Отход от изначальных либеральных принципов, будь то неприкосновенность частной собственности или свобода контрактов и торговли, вполне оправдан, когда речь идет об устранении с помощью государства различных позитивных «несвобод»: «Оправданность нашего современного законодательства, касающегося трудовых отношений, образования и здравоохранения и предполагающего многообразные вмешательства в свободу контрактов, следует видеть не в том, что государство должно напрямую заниматься совершенствованием нравственных качеств (людей. — *Р. К.*), поскольку в силу внутренней природы этих качеств делать это нельзя, а в том, что оно должно поддерживать условия, без которых свободная реализация человеческих способностей невозможна» [Green, 1881, p. 15].

Не менее важно, что в отличие от «просто» либералов «новые» либералы начали рассматривать рынок как неспособный к саморегулированию и параллельно тому, как ослабевала их вера в рынок, крепла их вера в государство. В немалой степени этому способствовал процесс демократизации политической жизни. Пока политическая власть находилась в руках господствующих классов и государство действовало от их имени и в их интересах, его вмешательство действительно следовало пресекать и урезать. Но всеобщее избирательное право передало власть в руки народа, так что в новых условиях государство уже не может не действовать в интересах всего общества и, значит, все прежние аргументы в пользу его ограничения теряют силу. Ясно же, что от государства, выражающего волю народа, не может исходить ничего дурного или вредного! Это открывало широкое поле для экспансии государственного интервенционизма, сдерживание которого всегда было главной заботой либералов «старой» школы⁸.

⁸ Но поскольку, как заявляли новые либералы, их интервенционизм имел целью расширение свободы индивидов, они не видели ничего противоестественного в том, чтобы именовать свою программу «либеральной»: «Либералам всегда следует настаивать на том, — писал Дж. Гобсон, — что любое расширение власти и функций государства должно оправдываться расширением свободы личности с тем, чтобы его вмешательство в дела индивидов направлялось только на создание

В итоге этих метаморфоз термином «либерализм» стал обозначаться комплекс идей и политических мер, во многом прямо противоположных исходному либеральному кредо. Едва ли не самый яркий пример дает история США, где долгое время ни одна из действовавших на политической арене сил не пыталась поднять на свои знамена понятие либерализма и оно, таким образом, оставалось «бесхозным». В 1930-е годы этим успешно воспользовался Ф. Рузвельт, который апроприировал его, назвав «либеральным» свой Новый курс, включавший многочисленные ограничения на деятельность рынка и предусматривавший резкое усиление вмешательства государства в экономику и частную жизнь людей [Ротунда, 2016].

Это лингвистическое сальто прекрасно описал в свое время Й. Шумпетер: «Примерно с 1900 г. и особенно примерно с 1930 г. термин “либерализм” приобрел иное — фактически почти противоположное — значение, когда в качестве высшего, пусть и непреднамеренного, комплимента враги системы частного предпринимательства сочли разумным присвоить себе ее имя» [Schumpeter, 1954, p. 394].

Каноническая версия

Вернемся к истории «неолиберализма». Каноническая версия происхождения этого концепта, которую можно встретить практически во всех работах по данной теме, выглядит примерно так (см., например: [The Road from Mont Pèlerin, 2016]).

В 1938 г. в Париже была организована международная конференция, получившая название Коллоквиум Уолтера Липманна, поскольку она была посвящена обсуждению идей, высказанных Липманном в его книге «Исследование принципов достойного общества» [Lippmann, 1937]. В своей работе Липманн обсуждал опасности для свободного общества, исходившие от тоталитарных коллективистских систем — советского коммунизма, германского нацизма и итальянского фашизма, а также подвергал критике «ползучий коллективизм» в форме все возрастающего государственного регулирования (прежде всего — Новый курс Ф. Рузвельта).

для них новых более широких возможностей <...> Либерализм, вероятно, сохранит свое отличие от социализма, поскольку главным мерилom своей политики он признает свободу отдельных граждан, а не мощь государства» [Hobson, 1909, p. 93–94].

Организатором Коллоквиума выступил французский философ Луи Ружье, а его участниками стали 26 европейских и американских интеллектуалов, озабоченных судьбой либерализма в современном мире, включая таких известных экономистов, историков, философов и социологов, как Р. Арон, Л. Мизес, М. Поланьи, В. Рёпке, А. Рюстов, Ж. Рюэфф, Ф. Хайек, А. Шюц и другие. В это время классический либерализм воспринимался как полностью обанкротившаяся доктрина — как в теории, так и на практике. Он не только не смог поставить заслон коммунизму в России и нацизму в Германии, но и спровоцировал экономический хаос в тех странах, которые еще не поддались искушениям тоталитаризма (имеется в виду Великая депрессия 1930-х годов). Из общественного сознания он активно вытеснялся своими идеологическими противниками как слева (социализм, коммунизм), так и справа (фашизм, нацизм), и практически лишился сторонников, готовых его поддерживать и защищать. Кажется, дни его сочтены, а будущее за коллективизмом, централизованным планированием и государственным интервенционизмом.

Коллоквиум У. Липпмана стал диалогом среди немногочисленной группы интеллектуалов, сохранивших верность философии свободного общества, о причинах упадка либерализма и его дальнейших перспективах. Возможно ли его возрождение в XX в.? Что нужно изменить в его принципах, чтобы он вновь обрел жизнеспособность?⁹ Какое название выбрать для его обновленной версии, чтобы привлечь симпатии общества?

Согласно канонической версии, собравшиеся образовали сплоченный «мыслительный коллектив», который приступил к разработке общей повестки и единого плана действий по возвращению либеральным идеям былой интеллектуальной и политической привлекательности [The Road from Mont Pèlerin, 2016]. Один из них, немецкий экономист и социолог Александр Рюстов, в качестве названия для общего проекта предложил термин «неолиберализм», который был единодушно одобрен и принят всеми участниками. Под этим новым именем либерализм и приступил к возвращению утраченных ранее позиций. Сразу после войны по инициативе Ф. Хайека несколько участников Коллоквиума учредили постоянно действующий

⁹ Так, большинство участников Коллоквиума выступили за отказ от принципа *laissez-faire*, который долгое время считался фирменным знаком либеральной экономической программы.

форум для обмена мнениями и координации действий – Общество Мон Пелерин (1947). С этого плацдарма они начали скрыто распространять свои неолиберальные идеи, пока те не захватили весь мир и не стали источником прорыночной переориентации экономической политики, к которой под давлением международных организаций – таких как МВФ, Всемирный банк и ВТО – обратились правительства подавляющего большинства стран. Успех неолиберализма ошеломителен и не имеет аналогов в мировой истории: через полвека после своего рождения он превратился в доминирующую идеологию, которая привела к установлению неолиберальных режимов по всему миру [The Road from Mont Pèlerin, 2016]. (Так, одной из наиболее зримых примет его торжества стало крушение мировой социалистической системы.)

Однако в этой канонической версии неправда почти все [Magness, 2020]. Во-первых, сам термин «неолиберализм» вовсе не являлся изобретением Рюстова, а был придуман и введен в употребление значительно раньше. Во-вторых, большинство участников Коллоквиума его отвергли, так что никакой замены традиционному термину «либерализм» выбрано не было. Впоследствии многие из тех, кого пытались «насильно» записывать в «неолибералы», прямо и недвусмысленно отказывались считать себя таковыми. В-третьих, даже в Германии, где этот термин получил ограниченное распространение, он так и не прижился и с течением времени практически полностью вышел из употребления. В-четвертых, ни о каком единстве взглядов среди участников Коллоквиума У. Липпмана или (позднее) среди членов Общества Мон Пелерин говорить не приходится. С самого начала среди них выделились и заявили о себе две фракции, расходившиеся по многим принципиальным вопросам и находившиеся друг с другом в очень непростых отношениях, – более прорыночная и более интервенционистская. И если вторая стремилась максимально дистанцироваться от наследия классического либерализма, то первая всячески подчеркивала свою преемственность по отношению к нему¹⁰. И последнее: политическая гегемония «неолибералов» если

¹⁰ Сторонниками термина «неолиберализм» выступали как раз представители «интервенционистской» фракции, считавшие, что для обеспечения экономической стабильности государство должно ограничивать деятельность крупных корпораций и проводить активную антимонопольную политику, а для удовлетворения запроса широких масс на социальную защиту вводить массивные социальные и пере-

когда-либо и существовала, то разве что в воображении интеллектуалов левого толка. Как иронически заметил по этому поводу американский экономист П. Бёттке, Дж. Бьюкенену никогда не доводилось возглавлять Министерство финансов США, Ф. Хайеку быть председателем Совета экономических консультантов или М. Фридмену руководить МВФ. «Командные высоты», определявшие курс экономической политики в ведущих странах мира, практически всегда находились в руках их оппонентов – кейнсианцев («старых» и «новых») и сторонников всеохватывающего государства благосостояния. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, если рассматривать деятельность членов Общества Мон-Пелерин как дефинитивную, то тогда придется отказаться от большей части того, что сегодня понимается под «неолиберализмом», потому что в подавляющем большинстве случаев мир был вовсе не склонен следовать их предписаниям [Laidlaw, 2015; Dunn, 2017].

Неолиберализм-1

В действительности термин «неолиберализм» имеет более раннее происхождение, а местом его рождения следует считать Вену 1920-х годов. Первыми, кто начал систематически использовать его в своих атаках на философию свободного рынка, были марксистские и протонацистские авторы в Австрии и Германии, когда в качестве уничижительного ярлыка он был введен ими в немецкоязычную академическую литературу. Добавление префикса «нео» служило указанием на произошедшую смену научного фундамента либеральной доктрины: если раньше это была трудовая теория ценности экономистов-классиков, то теперь ею стала маржиналистская (субъективная) теория ценности. Термин *Neoliberalismus* стал использоваться

распределительные программы: «Неолиберализм родился не как попытка рационализировать и восстановить безудержный капитализм, а как идея по внедрению широкой сети регулирующих и перераспределительных программ, которые бы политически спасли хотя бы некоторые из основных элементов конкурентного рыночного порядка. Сложность задачи <...> заключалась в том, чтобы понять, как это сделать, чтобы сама интервенционистская система не вышла из-под контроля и не выродилась в тот тип фрагментированной системы коллективистских привилегий, грабительства и коррупции, которая, по словам самого Уолтера Липпмана, легко могла стать окольным черным ходом к плановому обществу» [Ebeling, 2017].

марксистскими и протонацистскими теоретиками для обозначения этого симбиоза: «*laissez-faire* + теория предельной полезности»¹¹. В ранг главы нового направления они возвели Л. фон Мизеса, видя в нем «самого рьяного на сегодняшний день защитника неолиберализма» [Adler, 1922, p. 80]. Хотя сам Мизес однажды не удержался, употребив для характеристики своих взглядов термин «неолиберализм» [Мизес, 2007, p. 44], нельзя утверждать, чтобы он его действительно принимал, поскольку всегда помнил, кем и против кого тот был изначально введен. (Показательно в этом смысле, что свою книгу по политической философии он назвал просто «Либерализм», подчеркнув тем самым преемственность собственной позиции по отношению к экономическим и политическим идеям либералов XVIII—XIX вв. [Мизес, 2007].) И поскольку главной мишенью противников «неолиберализма» выступал Мизес, вполне естественно, что в число «неолибералов» попадали в основном экономисты и социологи его круга.

«Неолиберализм» в том смысле, в каком он был определен немецкоязычными авторами 1920-х годов, представал как общий враг как крайне левых, так и крайне правых. Его развенчанием активно занимались, с одной стороны, марксисты — такие как лидер австромарксизма Макс Адлер (1873—1937) или историк Альфред Мейзель (позднее ставший одним из видных функционеров Академии наук ГДР) (1896—1960), а с другой, протонацисты — такие как историк экономической мысли, коллега Мизеса по Венскому университету и его постоянный оппонент, Оттмар Шпанн (1878—1950), на чьих лекциях бывал Гитлер и о чьих воззрениях одобрительно отзывался А. Розенберг¹².

Для австромарксиста М. Адлера неолиберализм был всего лишь жалкой попыткой реабилитации индивидуалистического экономического либерализма после его полной и окончательной дискредитации Марксом [Adler, 1922]. Он обращал внимание на то, что нео-

¹¹ Хронологически первым, кто еще в XIX в. однажды использовал определение «неолиберальный» в подобном значении, был известный французский экономист, теоретик кооперативного движения Ш. Жид (1847—1932). Критикуя итальянского экономиста М. Панталеони за твердую приверженность идее о том, что главным драйвером экономической эффективности является «свободная игра сил конкуренции», он окрестил его «представителем Нео-Либеральной Школы» [Gide, 1898].

¹² Так, Мизес рассматривал Шпанна как «архетипического нацистского философа».

либеральное контрнаступление направлено в первую очередь против концептуального ядра марксистской системы — трудовой теории ценности, потому что без нее марксизм лишается опоры и повисает в воздухе. Однако к этой критике Адлер относился свысока, не считая даже нужным как-то на нее отвечать: история уже все расставила по своим местам, продемонстрировав абсолютное превосходство марксистского учения и наглядно показав, что будущее за социализмом. И поскольку она уже вынесла свой приговор, постольку любые попытки реанимировать «старый» либерализм после того, как он был нокаутирован марксизмом, заведомо обречены на провал¹³. Эта неуклюжая апология статус-кво не может спасти старый порядок, который на наших глазах вытесняется социалистическим преемником [Magness, 2020].

Развивая аргументацию Адлера, другой марксист, А. Мейзель, утверждал, что неолиберальная альтернатива социализму придумана буржуазией в качестве интеллектуального противовеса «мощному наступлению социалистически настроенных масс рабочего класса» [Meusel, 1924, p. 373]. Она представляет собой контрудар буржуазии «по рабочим организациям, по социальной политике, по всеобъемлющему регулированию условий труда» [Ibid.]. Неолиберализм не только отказывается признавать ведущую роль рабочих в современном обществе, но и отбрасывает сам социалистический идеал, так как «в его глазах у социализма нет ничего, что заслуживало бы одобрения» [Ibid.].

Неолиберальный проект Мизеса — это, по словам Мейзеля, утопическая схема, не соответствующая реалиям «борьбы рабочего класса». Его целью является «вновь утвердить, вопреки возросшей сложности организации нашей экономической жизни, принципы “свободной конкуренции”, “свободной игры экономических сил”» [Ibid., p. 380]. Хотя в целом «неолиберализм» выдержан в том же либеральном духе, который был характерен для его предшественника в XIX в., он вносит в него «безоглядный радикализм», стремясь полностью подчинить труд власти капитала.

¹³ Здесь стоит отметить любопытный параллелизм, но только с обратным знаком: если для марксистов архаикой выглядел либерализм Мизеса (это реликт далекого прошлого), то для Мизеса архаикой выглядел марксизм, а если говорить более конкретно — марксистская трудовая теория ценности, поскольку в свете новейших научных представлений она представляла как интеллектуальный нонсенс.

Особое негодование вызывал у Мейзеля отказ Мизеса считать Маркса серьезным экономистом: «Если марксизм никуда не годится, то, значит, Маркс ничего не стоит» и тогда получается, что он «или слишком рано родился или слишком рано умер, из-за чего не смог осознать и включить в свою систему высшее достижение национальной экономической мысли — теорию предельной полезности» (цит. по: [Magness, 2020, p. 10]).

На противоположном политическом фланге с не менее ожесточенной критикой выступал мыслитель крайне правых взглядов О. Шпанн, который так же определял «неолиберализм» как соединение традиционной либеральной политической программы с теорией предельной полезности. И та и другая вызывали у него абсолютное отторжение, поскольку были несовместимы с разработанной им концепцией «интуитивного универсализма». Лейтмотив его работ — непримиримая враждебность к классическому либерализму, методологическому индивидуализму (он был сторонником чисто холистического подхода в социальных науках) и субъективистской экономической теории.

При переиздании в 1926 г. своего учебника по истории экономической мысли (его английский перевод был опубликован в 1931 г.) Шпанн включил в него дополнительную главу, посвященную «неолиберальному направлению», к которому он отнес две научных школы — стокгольмскую (К. Виксель, Г. Кассель) и венскую, причем последнюю он характеризовал как «самую важную форму неолиберализма» [Spann, 1931]. С его точки зрения «неолиберализм» — это новейшая итерация «индивидуалистических и механистических течений» в экономической теории, среди которых исторически наиболее видное место принадлежало классической политической экономии. Его главная задача — реанимировать «рикардианскую школу» после ее вполне заслуженной кончины: «Сам факт существования сегодня неолиберального направления (когда выявилась бесплодность всех рикардианских школ в области теории) и еще более тот факт, что оно недавно сделалось господствующим, являются наглядными свидетельствами того, что наша наука все еще говорит на языке XVIII столетия» [Ibid., p. 278].

Неолиберальная доктрина служит серьезным препятствием на пути социальных реформ, которые может и должно проводить государство: «Старая либеральная школа и неолиберальная школа схо-

дятся во мнении, что никакие социальные реформы или меры экономической политики не способны оказывать долговременное влияние на цены или распределение доходов. Именно поэтому индивидуалисты выдвинули доктрину, согласно которой любое социальное реформирование обречено вращаться в “порочном кругу”. Оно делает товары более дорогими, пожирая таким образом дополнительную покупательную способность, которую это могло бы дать рабочим. Они учат также, что если обложить нетрудовые доходы налогом, то в конечном счете он будет переложен на плечи рабочих, и так далее. Один английский автор недавно заявил, что бороться с законом спроса и предложения — это все равно, что “лаять на луну”. Бём-Баверк утверждает, что если государство и может оказывать какое-то влияние, то только в пределах, задаваемых рыночными законами ценообразования» [Spann, 1931, p. 253–254].

«Неолиберализм» Шпанн рассматривал как индивидуалистический вызов коллективистскому духу германского народа и германского государства, как угрозу культурной идентичности немецкой нации. В теории предельной полезности он видел «порождение польско-еврейских умов»: это еврейская конструкция, находящаяся в неустрашимом противоречии с идеалами Третьего рейха [Magness, 2020]. Ее индивидуалистически-механистический подход подрывает возможность достижения коллективного блага, обеспечить которое способно только единение народа и государства. Разработанный Шпанном в противовес «неолиберализму» проект квазитеократического корпоративистского «пангерманского народного государства» можно рассматривать как консервативную вариацию на популярную в ту эпоху тему Третьего пути — *между* капитализмом и социализмом [Haag, 1966].

Однако уже в следующем десятилетии концепт «неолиберализма» ожидала кардинальная метаморфоза — первая их тех, что ему еще неоднократно предстояло переживать в будущем.

Неолиберализм-2

Совершенно иное истолкование получает «неолиберализм» у немецкого мыслителя Александра Рюстова (1885–1963), начавшего активно его популяризировать в Германии в 1930-е годы. Рюстов примыкал к кругу либерально ориентированных экономистов и социо-

логов Фрайбургской школы (В. Ойкен, В. Рёпке, Л. Эрхард и другие), известной как школа «ордолиберализма». (От названия издававшегося ими теоретического журнала «Ordo», то есть порядок.) Мы уже упоминали его имя, когда говорили о парижском Коллоквиуме У. Липпмана в 1938 г. Рюстов – центральный персонаж канонической истории происхождения «неолиберализма», где ему приписывается авторство на изобретение этого термина. На самом деле Рюстов был далеко не первым, кто начал им активно пользоваться: в немецкоязычной социально-политической литературе неолиберализм появился и получил права гражданства еще в 1920-е годы (см. предыдущий раздел). Правильнее будет сказать, что Рюстов апроприировал (успешно!) этот концепт, вдохнув в него новую жизнь.

Во-первых, он изменил его оценочную окраску – из негативной она стала позитивной. Во-вторых, если у марксистских и протонацистских авторов неолиберализм представал как прямой наследник либерализма «старой» школы, почти ничего не изменивший в его политико-экономической повестке, то у Рюстова – как антагонист классического либерализма, преодолевающий присущие ему ограничения и предлагающий принципиально новую программу действий. В значительной мере эта переакцентировка была реакцией на дебаты 1920-х годов: Рюстов был убежден, что в условиях массовой демократии и кризиса экономической системы *laissez-faire* спасти либеральные ценности можно единственным способом – впрыснув в них изрядную долю государственного интервенционизма. Эту новую, более совершенную и более прагматичную, версию либерализма он и предложил называть *неолиберализмом*.

Стоит отметить, что Рюстов вообще был большим мастером по части изобретения неологизмов: еще одной его языковой новацией стал термин «палеолиберализм» [Rüstow, 1961]. Палеолибералами Рюстов окрестил «неразочаровавшихся» сторонников классического либерализма, таких как Мизес и Хайек, которые, по его мнению, настолько устарели, что место им только в музее¹⁴. Они упорно не хотят считаться с изменившимися реалиями и не готовы смириться с по-

¹⁴ Мизес платил ордолибералам той же монетой, иронически именуя их «ордоинтервенционистами». Впрочем, несмотря на идейные расхождения, личные отношения между Рюстовым, с одной стороны, и Мизесом и Хайеком, с другой, всегда оставались уважительными и дружескими [Kolev, 2018].

ражением идей, несостоятельность и даже вредоносность которых доказана историей. (В качестве синонимов для обозначения этих архаических представлений он использовал также выражения «вульгарный» или «манчестерский» либерализм.) Впрочем, если Мизес был для Рюстова опасным экстремистом, то Рюстов для Мизеса мало чем отличался от правоверных социалистов.

Терминологическое нововведение Рюстова получило определенное признание и стало использоваться в немецкоязычной социально-политической литературе в том же ряду, что и выражения «ордолиберализм» и «социально-рыночное хозяйство»: все они обозначали примерно один и тот же круг идей. Однако в терминологической конкуренции между ними у варианта, предложенного Рюстовым, практически не было шансов. С течением времени он становится все менее популярным и постепенно выходит из активного употребления, хотя некоторые немецкие авторы до сих пор продолжают им иногда пользоваться (для стилистического разнообразия) в качестве синонима термина «ордолиберализм». Уже к концу 1960-х годов о «неолиберализме» мало кто помнил и свое поражение на рынке идей вынужден был признать сам Рюстов.

Неолиберализм мыслился Рюстовым как программа Третьего пути, о чем красноречиво говорят названия его работ: «Между капитализмом и коммунизмом» [Rüstow, 1949], «Крах экономического либерализма» [Rüstow, 1950] и т.д. «Мы должны быть счастливы, — писал он, — что нам не предстоит делать трудный выбор между “капитализмом” и “коммунизмом”, потому что существует “Третий путь”» [Rüstow, 1949, p. 430]. Либерализм «старой» школы был для него неприемлем точно так же, как и коллективизм: «Мы [неолибералы] сходимся с марксистами и социалистами в убеждении, что капитализм несостоятелен и должен быть преодолен. Мы считаем также, что их доказательство того, что безудержный капитализм ведет к коллективизму, является правильным и гениальным открытием их учителя. Признать это, как представляется, требует интеллектуальная честность. Однако мы отвергаем ошибки, которые Маркс перенял у исторического либерализма. И если мы, вместе с социалистами, отвергаем капитализм, то еще больше мы отвергаем коллективизм, который вырастает из безудержного капитализма. Наше самое серьезное обвинение против капитализма заключается именно в этом: рано или поздно он <...> должен вести к коллективизму» [Rüstow, 1950, p. 78].

Современный ему капитализм Рюстов расценивал как патологическую, выродившуюся разновидность настоящего рынка свободной конкуренции. Почему выродившуюся? Потому что он насквозь пронизан процессами монополизации. Засилье картелей и синдикатов есть прямое порождение либерализма «старой» школы, который не видел необходимости предпринимать что-либо для борьбы с ними и который таким образом способствовал превращению рыночной экономики в неуправляемую¹⁵. В своей программной работе «Свободная экономика — сильное государство» [Rüstow, 1932] Рюстов предлагал отделять либерализм, понимаемый как свобода отдельных людей конкурировать на рынке, от принципа *laissez-faire*, понимаемого как свобода от вмешательства государства. Свободная конкуренция невозможна без сильного государства: только оно может обеспечить необходимые условия для ее сохранения и бесперебойного функционирования. Помимо того, что либерализм в духе Адама Смита нежизнеспособен как экономическая система, он еще несовместим с демократией, свободой и достоинством человека [Hartwich, 2012]. Конечная цель «неолиберализма» — соединить экономическую эффективность с социальными и гуманистическими ценностями: «В отличие от палеолиберализма наш неолиберализм не сводит все к экономике. Напротив, мы считаем, что экономические вопросы должны подчиняться сверхэкономическим соображениям» [Rüstow, 1961, p. 73]. Понимаемый таким образом неолиберализм представлял собой «интеллектуальную ориентацию, основанную на гуманизме» (цит. по: [Voas, Gans-Morse, 2009, p. 147]).

По сравнению с классическим либерализмом Рюстов предлагал гораздо более умеренную и менее радикальную социально-экономическую программу. Ее центральный элемент — активная антимонопольная политика во всех сферах экономической деятельности, сочетающаяся со строгой фискальной и монетарной дисциплиной, а также с разветвленной социальной страховочной сетью. Если говорить о конкретном наполнении этой программы, то она включала такие меры, как запрет на любую рекламу в газетах, на радио и в кино

¹⁵ В полемике с позицией Рюстова Мизес справедливо указывал, что господство картелей и монополий, характерное для германского «организованного» капитализма, было порождено не силами свободного рынка, а интервенционистской и протекционистской политикой государства [Ebeling, 2017].

(потому что реклама дает неоправданные преимущества крупным компаниям); введение прогрессивной шкалы налогообложения на доходы корпораций (цель — разукрупнение чрезмерно больших фирм, грозящих переродиться в монополии, до оптимальных размеров); национализация всех коммунальных служб и всех железнодорожных компаний, а также всех компаний с предполагаемой естественной или технологической монополией; национализация производства вооружений; создание в аграрном секторе разветвленной сети институтов, занимающихся научными исследованиями и представлением консультативных услуг, а также обучением крестьян необходимыми практикам и технологиям за счет государства; субсидирование государством расходов фирм на оплату рабочей силы во время кризисов; введение обязательного страхования по безработице; организация государственной службы занятости; введение всеобщего бесплатного образования; установление высоких налогов на наследство; проведение активной промышленной политики [Hartwich, 2012, p. 19–20]. Все это должно было делаться под идеологическим зонтиком католического учения¹⁶. Эти предложения несли на себе отчетливый отпечаток консервативного романтизма, которому был не чужд Рюстов, отдававший предпочтение мелкому бизнесу в противовес крупному, скептически относившийся к технологическому прогрессу (который, как он полагал, не принес человечеству никакой пользы, а только породил слепую веру в прогресс) и идеализировавший период Средневековья, когда, по его словам, «социальные условия были наилучшими из всех существовавших когда-либо» (цит. по: [Hartwich, 2012, p. 20]).

Ретроспективно предложенную Рюстовым модель смешанной экономики можно, по-видимому, охарактеризовать как правую социал-демократию за вычетом социалистической риторики. Парадоксально, но его неолиберализм-2 не имел практически ничего общего не только со своим предшественником — неолиберализмом-1, но и с современными представлениями об этом феномене.

¹⁶ «Между христианством и неолиберализмом нет никакой несовместимости и вместе они могли бы организовать единый фронт против палеолиберализма, но еще больше против коммунизма и большевизма» [Rüstow, 1961, p. 70].

Неолиберализм-3

Неолиберализм-3 переносит нас в Латинскую Америку конца 1970 — начала 1980-х годов, когда к власти в Чили пришел А. Пиночет. Это полностью самостоятельный феномен, рожденный в среде чилийских левых интеллектуалов и не имеющий никаких генетических связей с неолиберализмом-2. В этой версии концепт неолиберализма вновь приобретает однозначно пейоративную окраску и начинает использоваться исключительно как бранная кличка. Дело в том, что сторонникам левых взглядов (социалистических и коммунистических) нужно было как-то терминологически обозначить экономический курс, который стал проводиться при Пиночете, — курс, идеологически для них абсолютно неприемлемый. Наиболее подходящим для своих целей они сочли ярлык «неолиберализма» [Voas, Gans-Morse, 2009].

Здесь стоит пояснить, что в испанском языке со словом либерализм традиционно всегда были связаны устойчивые положительные коннотации. Добавление прификса «нео» было призвано их нейтрализовать, давая понять, что речь идет о некоем фальшивом, ненастоящем, незаконнорожденном либерализме. И поскольку источником этой версии неолиберализма служил чилийский опыт, в ней он оказался тесно связан с авторитаризмом, что, естественно, придавало ему еще большую зловещесть.

В результате экономическая система, возникшая в Чили после 1973 г., стала именоваться «неолиберальной», а ее создатели и сторонники — «неолибералами» [Ibid.]. Левые интеллектуалы рассматривали чилийский опыт как имеющий далеко идущие негативные последствия — как неолиберальную лабораторию, где тестировалась экономическая политика для всего третьего мира. Поэтому едва ли удивительно, что именно так стали обозначаться любые попытки проведения рыночных реформ, прежде всего — в других странах Латинской Америки. За основными элементами таких реформ — финансовой стабилизацией, приватизацией, дерегулированием и ослаблением торговых барьеров — прочно закрепилось название «неолиберальных». Левые интеллектуалы обвиняли неолиберализм не только в том, что он пытается радикально трансформировать экономику, возрождая капитализм *laissez-faire*, но и в том, что он идет еще дальше, стремясь разрушить институциональный фундамент общества,

поскольку поощряет конкуренцию и индивидуализм даже в таких сферах, как трудовые отношения, пенсионное обеспечение, здравоохранение и образование¹⁷. Ничем не ограниченный рынок и наступление на государство благосостояния – вот суть неолиберального кредо. И так как главными архитекторами рыночных реформ в Чили были экономисты, получившие образование в Чикагском университете США («чикагские мальчишки»), в представлении латиноамериканских левых неолиберализм оказался прочно связан с именем М. Фридмена (и частично – Ф. Хайека) и, соответственно, с идеями Чикагской школы экономики.

Парадоксально, но неолиберализм-3 предстает как нечто, почти строго ортогональное неолиберализму-2. Если для латиноамериканских левых Фридмен и Хайек – это столпы *неолиберализма*, то для Рюстова – это адепты *палеолиберализма*. Остается также непонятным: если неолиберализм и вправду, как настаивали левые теоретики, выступает за возрождение капитализма образца XIX в., то зачем тогда множить сущности и отказываться от проверенного временем термина «*классический либерализм*»?

Неолиберализм-4

Если нелиберализм-3 имел прежде всего политические, то неолиберализм-4 чисто интеллектуальные корни. В 1979 г. знаменитый французский философ Мишель Фуко (1926–1984) прочел в Коллеж де Франс лекционный курс под названием «Рождение биополитики», центральной темой которого (вопреки названию) стал феномен неолиберализма [Фуко, 2010]. Уже после смерти Фуко его лекции были собраны и опубликованы в виде книги, и представленные в ней идеи позволяют говорить о еще одной, возможно, самой неожиданной инкарнации «неолиберализма».

Едва ли будет преувеличением сказать, что Фуко – это, по видимому, главный «святой» современных левых. Их язык в значительной мере сформирован именно им: такие прочно вошедшие в их лексикон выражения, как «эпистема», «дисциплинарная власть»,

¹⁷ Любопытно отметить, что в правительственных кругах Чили модель экономики, на создание которой были направлены проводившиеся в то время реформы, именовалась официально «социальным рыночным хозяйством».

«биовласть», «биополитика», «диспозитивы» и т.д., — это все продукты его словотворчества. Концепт «неолиберализм» также стал важнейшим элементом их картины мира и обрел академическую респектабельность в первую очередь благодаря Фуко. Он одним из первых привлек внимание к материалам Коллоквиума У. Липпмана, стенографическая запись которого была издана по-французски в конце 1930-х годов, откуда он и почерпнул этот термин [Rougier, 1938]¹⁸. Однако в отличие от Рюстова, у которого он его заимствовал, Фуко предпочел придать ему расширительный смысл, используя его для обозначения *всех* существующих школ «экономического» либерализма — не только Ордолиберальной в Германии (В. Ойкен, В. Рёппке), но также Австрийской (Л. Мизес, Ф. Хайек), Чикагской (М. Фридмен, Г. Беккер), Вирджинской (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок) и других¹⁹. Важно отметить, что для Фуко «неолиберализм» был не просто определенной суммой идей, но также особой формой правления обществом, которую он противопоставлял другим возможным режимам власти — суверенному, дисциплинарному и биовласти, становившимся предметом его анализа в предыдущие десятилетия. (Такой подход связан с общеметодологической установкой Фуко, согласно которой знание и власть всегда неразрывно связаны, образуя единый комплекс.)

¹⁸ Обсуждение Коллоквиума У. Липпмана у Фуко свободно от многих искажений, присущих канонической версии происхождения концепта «неолиберализм». Так, Фуко не утверждал, что этот термин родился непосредственно на Коллоквиуме, не заявлял, что он был принят всеми участниками, и при упоминаниях о нем избегал пейоративных («заговорщицких») коннотаций.

¹⁹ Излишне напоминать, что за исключением некоторых немецких ордолибералов все те, кого Фуко причислял к «неолибералам», отказывались принимать на себя это звание. Характерный пример: в 2012 г. на факультете социологии Чикагского университета проводился посвященный Фуко семинар, на который был специально приглашен Г. Беккер с тем, чтобы прокомментировать, насколько адекватно, по его мнению, излагал Фуко его теории и насколько он согласен с их интерпретацией в «Рождении биополитики». Назвав Фуко «глубоким мыслителем», а его анализ «очень ясным» и демонстрирующим «прекрасное понимание сути теории человеческого капитала», Беккер констатировал, что в рассуждениях Фуко нет почти ничего, в чем бы он с ним расходился, и что он затрудняется сказать, с чем бы в его рассуждениях мог, в свою очередь, оказаться не согласен Фуко [Becker et al., 2012, p. 3]. Однако когда в ходе обсуждения некоторые участники начали на манер Фуко квалифицировать Беккера как «неолиберала», тот возразил, что никогда не употреблял этого выражения и всегда полагал себя *классическим либералом* [Ibid., p. 7].

Из-за того, что лекции Фуко сохранились только в устном виде (его выступления в Коллеж де Франс записывались на магнитофон), они долгое время были доступны широкой читательской аудитории почти исключительно по пересказам. Целиком «Рождение биополитики» увидело свет с отсрочкой в несколько десятилетий (скажем, по-английски оно было издано лишь 30 лет спустя – в 2008 г.). Этот хронологический разрыв стал причиной забавного казуса.

Вскоре после смерти Фуко в печать попала пара его лекций из курса 1979 г., знакомство с которыми и убедило левых интеллектуалов в том, что для него, как и для них, неолиберализм был абсолютно неприемлем и что, видя в нем главный источник зла в современном мире, он ставил своей задачей его развенчание. Отсюда – бесчисленные ссылки на авторитет Фуко, которыми пестрят сотни статей и книг с ниспровержением неолиберализма. Каков же был шок левых теоретиков, когда после появления полного текста «Рождения биополитики» стало ясно, что Фуко воспринимал направление мысли, которое именовал «неолиберализмом», как чрезвычайно близкое ему по духу и, возможно, даже как своего идейного союзника. Вместо разоблачения явная симпатия! Действительно, трудно не признать, что в «Рождении биополитики» обсуждение феномена неолиберализма ведется Фуко почти исключительно в позитивной (а никак не пейоративной!) тональности. Он буквально загипнотизирован идеями главных героев своего повествования – ордолибералов, Хайека, Фридмена, Беккера, обнаруживая у них все новые и новые переклички с собственными мыслями. Не удивительно поэтому, что после того, как его курс был, наконец, издан целиком, одна за другой начали выходить работы о Фуко, где говорилось (чаще всего – с сожалением и недоумением) о его «романе с неолиберализмом», его «флирте с неолиберализмом», его «искушении неолиберализмом», его «очарованности неолиберализмом», его «апологии неолиберализма», его «избирательном средстве с неолиберализмом» и т.п. [Lagasnerie, 2012; Hansen, 2015].

Как ни парадоксально, но тех, кого Фуко называл неолибералами, сближало с ним очень многое: это и стойкое недоверие к государству и всевозможным формам этатизма, и отказ оперировать собирательными понятиями (такими как «общество») так, как если бы это были самостоятельно действующие агенты со своими целями

и интересами, и неприятие любых тотализирующих теорий²⁰, и противостояние советскому коммунизму и его поклонникам на Западе, и упор на спонтанности человеческих взаимодействий, перечеркивающей любые попытки планирования и нормативного упорядочения всего и вся государством [Фуко, 2010]. Главное, что привлекало Фуко в неолиберализме, — это его несомненный эмансипаторский потенциал, перспектива достижения при его поддержке *больших* конкретных свобод на практике.

Из обширного арсенала «неолиберальных» теоретических разработок три, похоже, произвели на Фуко наибольшее впечатление: теория человеческого капитала; схема отрицательного подоходного налога Фрийдмена; теория преступности Беккера²¹.

В теории человеческого капитала знания, навыки и способности человека рассматриваются как капитал, который служит источником его будущих доходов или его будущих удовлетворений, или того и другого вместе [Schultz, 1961; Becker, 1964]. В результате из пассивного экономического объекта, каким индивид предстал, например, в трудовой теории ценности, он превращается в активного экономического субъекта и начинает мыслиться как непрерывно действующее «диверсифицированное» предприятие по производству самого себя — своих знаний, своих предпочтений, своих социальных связей. Если у экономистов-классиков человек, по мнению Фуко, выступал только в качестве партнера по обмену, то в теории человеческого капитала он становится «автопредпринимателем» — предпринимателем по отношению к самому себе [Dilts, 2011]. Этот сценарий, когда инвестируя в себя, индивид сам формирует собственную идентичность, Фуко противопоставлял сценариям, когда она фабрикуется извне

²⁰ Из текста «Рождения биополитики» можно сделать вывод, что Фуко принял и высоко ценил хайкевскую концепцию рассеянного знания.

²¹ Главное различие между классическим либерализмом и неолиберализмом Фуко усматривал в том, что если первый стремился свести к минимуму вмешательство государства в деятельность рынка, то второй выступает за то, чтобы государство обеспечивало благоприятные рамочные (институциональные) условия, в которых свободные рынки могли бы полностью раскрывать свой потенциал. В этом смысле позиция неолибералов оказывается намного более «проактивной» (в обоснование этого тезиса Фуко ссылается на теорию и практику германского ордолиберализма, цитируя, в частности, слова Рёпке о том, что «свобода рынка требует активной и крайне бдительной политики» [Фуко, 2010, р. 173]).

различными типами властных отношений, — тема, занимавшая центральное место в его предшествующих исследованиях.

Цель схемы отрицательного подоходного налога, разработанной Фридменом, — гарантировать всем членам общества определенный минимум дохода, ниже которого не опускался бы никто [Friedman, 1962]. Те, кто зарабатывают больше установленного порога бедности, будут по-прежнему платить положительные налоги, но те, кто зарабатывает меньше, начнут получать «отрицательный» налог, то есть пособия, величина которых будет рассчитываться как определенный процент от разности между установленным минимумом и их фактическим доходом. Поскольку выплаты при такой схеме не будут зависеть ни от персональных, ни от поведенческих характеристик индивидов и домохозяйств (единственный критерий — уровень дохода), ее внедрение могло бы радикально упростить бюрократические процедуры и сократить финансовые издержки, связанные с функционированием традиционных социальных программ. Кроме того, это помогло бы устранить систематические искажения в стимулах к труду, которые неизбежно порождают такие программы.

Существующие государства благосостояния создают многочисленные зоны контроля и принуждения. Реципиенты должны «расчехляться» перед государством, предоставляя исчерпывающую информацию о себе и своем поведении. Чтобы сохранять право на пособие, они обязаны придерживаться определенного образа жизни: безработные должны активно искать новую работу, одинокие матери с детьми не должны выходить замуж и т.д. Они выступают объектом неусыпного надзора и контроля со стороны социальных служб, которые подвергают их регулярным проверкам и за нарушения карают санкциями. Традиционное государство благосостояния не только агрессивно, но и патерналистично, пытаясь заставить реципиентов жить так, как ему представляется правильным: «Наши системы социального обеспечения навязывают определенный образ жизни, к которому они принуждают индивидов, и любое лицо или любая группа, которые по тем или иным причинам не захотят или не смогут принять подобный образ жизни, маргинализируются самим способом функционирования этих институтов» [Fucauld, 1988, p. 164–165].

В случае внедрения предложения Фридмена ситуация полностью меняется. Выплаты перестают быть связаны с образом жизни низ-

кодоходных групп населения, так что государству больше не нужно делить их на «хороших» и «плохих», «достойных» и «недостойных», «заслуживающих» помощи и ее «не заслуживающих», пытаясь нормировать поведение тех, кто, на его взгляд, ведет себя не так, как следует. Если, скажем, кто-то предпочтет довольствоваться малым, ничего не делая, право на получение выплат от государства за ним все равно сохранится. Индивиды будут освобождены от мелочного контроля социальных служб с их «бюрократическими, полицейскими, инквизиторскими расследованиями» [Фуко, 2010, с. 260]. В результате «неолиберальный» вариант государства благосостояния предстает как гораздо менее бюрократический и гораздо менее дисциплинарный [Там же, с. 263].

В теории преступности Беккера нарушители закона рассматриваются не как психопатологические типы или жертвы среды, а как рациональные агенты, предсказуемым образом реагирующие на имеющиеся возможности и ограничения [Becker, 1968]. Они, как и все, стремятся к максимизации ожидаемой полезности и с этой точки зрения их поведение ничем не отличается от поведения других людей. Выбор преступной профессии Беккер описывает как нормальное инвестиционное решение в условиях риска и неопределенности. Соответственно уровень преступности зависит от соотношения сопряженных с нею выгод и издержек (как денежных, так и неденежных). Выгоды, получаемые преступниками, определяются разностью между доходами от нелегальной и легальной деятельности. Что касается издержек, то главный их элемент связан с перспективой наказания. Это та «цена», которую в случае неудачи приходится платить преступникам за свой профессиональный выбор. В конечном счете уровень преступности будет определяться разностью доходов от легальной и нелегальной деятельности, вероятностью поимки и осуждения, тяжестью наказания и т.д.

Таким образом, теория Беккера не привязывает преступное поведение к специфическим типам личности, формируемым плохой наследственностью или плохим воспитанием, психопатологией или социальными девиациями, групповой или классовой принадлежностью. Она порывает с подходом, характерным для таких дисциплин, как психопатология или криминальная антропология, когда путем детальных расследований нарушителям сначала вменяют определенную идентичность — «случайный преступник», «рецидивист», «осо-

бо опасный преступник» и т.д., а затем начинают их «реабилитировать», то есть пытаются менять с помощью различных дисциплинирующих механизмов их старую («плохую») субъективность на новую («хорошую»). С точки зрения беккериянского подхода нет никакого смысла делить людей на «нормальных» и «ненормальных», используя при их описании унижительные моральные категории, копаясь в их подноготной и добиваясь их точной психологической квалификации. Если преступники – рациональные агенты, взвешивающие выгоды и издержки, то государство должно заниматься не переделкой («нормализацией») их идентичностей, а переструктурированием стимулов, направляющих их поведение (с помощью либо повышения доходов от легальной, либо понижения доходов от нелегальной деятельности).

Для Фуко вопрос о производстве и нормализации субъективностей имеет прямое отношение к вопросу о власти. Те, кто занимается формированием субъективности другого (воспитатель, врач, психиатр, тюремный надзиратель и т.д.), могут делать это только из модуса господства, так что те, чья субъективность подлежит формированию, неизбежно оказываются в модусе подчинения²². С точки зрения Фуко, неолиберализм предлагает выход из этого тупика: отказываясь от фабрикации и нормализации идентичностей, он разрывает сеть отношений господства/подчинения, давая шанс на вхождение в пространство свободы.

Согласно Фуко, неолиберальный режим – это наиболее эффективная и нерепрессивная форма правления. В отличие от режимов власти, которые он исследовал раньше, при таком режиме воздействие направляется не непосредственно на самих индивидов (их «тела и души»), а на среду, которая их окружает. Оно меняет структуру стимулов, но не пытается исправлять («нормализовывать») личности людей и силой заставлять их соответствовать социально одобряемым образцам, оставляя их по большому счету такими, какие они есть. По мысли Фуко, «неолиберализм» предусматривает такой тип регулирования, который не является ни формой суверенной (юридической) власти, действующей через законы, ни формой дисциплинарной власти, действующей через надзор, контроль и наказание, ни

²² Во французском оригинале Фуко играет разными смыслами слова *assujettissement*, которое может означать одновременно и «подчинение», и «субъективацию». (Аналог по-английски – слово *subjection*.)

формой биовласти, действующей через общую нормализацию общества, когда объектом воздействия оказываются не отдельные люди, а все население [Dean, 2018]. Он не пытается подчинять и нормализовывать человека, поскольку не претендует на формирование его «правильной» субъективности. Практическим следствием этого становится терпимость по отношению к социальным меньшинствам и их практикам, к разнообразию возможных стилей жизни [Ibid.]. И поскольку через изменение стимулов такой постсуверенный и постдисциплинарный режим воздействует только на среду, в которой протекает деятельность индивидов, его можно назвать «экологическим»: «В неолиберализме проступает не идеал или проект насквозь дисциплинарного общества, в котором бы сеть законов, опутывающая индивидов, воспроизводилась или продолжалась внутри них самих благодаря действию дисциплинарных механизмов. Это также не общество, испытывающее потребность в механизмах поголовной нормализации и эксклюзии ненормализованных индивидов. Напротив, перед нами возникает образ, идея или программная тема общества, в котором бы достигалась оптимизация системы различий, в котором бы оставалось открытым поле для случайных процессов, которое было бы терпимо к индивидам и практикам меньшинств, в котором бы воздействие направлялось не на участников игры, а на ее правила и в котором бы вмешательство не подчиняло себе индивидов внутренне, но являлось вмешательством экологического типа» [Фуко, 2010, с. 324–325, с изменениями].

Более позитивного отклика левого философа на идеи Хайека, Фридмена, Беккера, наверное, трудно себе представить.

Заключение

На рис. 1 представлено генеалогическое древо концепта «неолиберализм». Неолиберализм-1 был изобретением марксистских и протонацистских авторов, которые обозначали так соединение политической программы классического либерализма с маргиналистской экономической теорией. Он имел исключительно пейоративные коннотации и использовался как риторическое оружие против сторонников философии свободного рынка, таких как Л. Мизес. Но вскоре благодаря немецкому экономисту и социологу А. Рюстову

возник Неолиберализм-2, когда этот концепт, во-первых, приобрел однозначно позитивную оценочную окраску, во-вторых, начал противопоставляться классическому либерализму и, в-третьих, стал мыслиться как идеология Третьего пути («между капитализмом и коммунизмом»), в рамках которой активно регулируемый рынок должен был сочетаться с умеренным по масштабам государством благосостояния. Значительно позже, причем совершенно самостоятельно, увидел свет Неолиберализм-3, когда этим термином стали обозначать экономические реформы в Чили при А. Пиночете, а затем и аналогичные реформы в других развивающихся странах и из позитивного регистра он был вновь переключен в отрицательный. С его помощью публике настойчиво внушалась мысль о том, что реформы, направляемые на раскрепощение рынка и ограничение вмешательства государства, не могут не быть связанными с политическим авторитаризмом. Появившийся практически тогда же Неолиберализм-4 — это интеллектуальное детище французского философа Мишеля Фуко, выбравшего этот термин в качестве родового имени для всего семейства современных школ «экономического» либерализма и вновь наделившего его отчетливо положительными коннотациями. В неолиберальном проекте он усмотрел огромный эмансипаторский потенциал, характеризуя его как наименее бюрократическую и наименее репрессивную форму правления по сравнению с любыми другими возможными режимами власти. Наконец, из скрещения Неолиберализма-3 с Неолиберализмом-4 возникло «стозевное чудовище» Неолиберализма-5, развенчанию которого сегодня посвящается бесконечное множество критических текстов и который, по уверениям левых теоретиков, правит миром уже более полувека. (О нем мы говорили в первых разделах работы.)

Все указывает на то, что концепт «неолиберализм» представляет собой ключевой элемент картины мира современных левых интеллектуалов: с его помощью они берут и дают уроки идейной ненависти. Одновременно это центральный миф подавляющего большинства существующих сегодня социальных дисциплин — от социологии до антропологии, от географии до истории, от гендерных исследований до теории международных отношений, что едва ли удивительно, если вспомнить о почти тотальной политической левизне современной академии. Единственное исключение — экономическая

наука, где этот термин до сих пор остается, строго говоря, невостребованным²³.

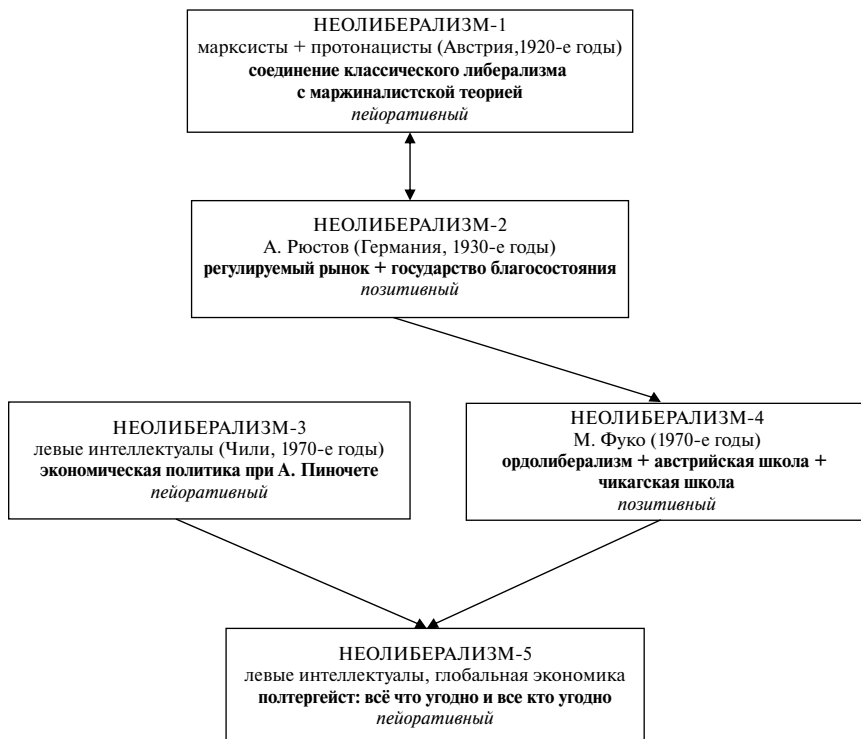

Рис. 1. Генеалогическое древо концепта «неолиберализм»

²³ Исходя из этой примечательной дисциплинарной асимметрии, Р. Венугопал высказал предположение, что представители неэкономических социальных дисциплин взяли на вооружение термин «неолиберализм» специально для того, чтобы иметь возможность дискредитировать и сходу отметать любые аргументы, базирующиеся на экономической теории. Современная экономическая наука слишком технична и сложна, овладение ею требует слишком больших затрат времени и интеллектуальных ресурсов. Ссылки на вездесущий неолиберализм позволяют неэкономистам занять позицию интеллектуального превосходства по отношению к экономистам, даже ничего не зная и не желая ничего знать о современной экономической теории. Жонглирование этим термином обеспечивает им «призму, через которую можно с безопасного расстояния обсуждать таинственную и враждебную территорию, каковой в их глазах выступает современная экономическая теория» [Venugopal, 2015, p. 183].

«Неолиберализм» — слово-уникум: среди общепотребительных понятий, активно используемых при изучении современного общества, похожих на него больше нет. Оно имеет чисто пейоративную окраску и используется в качестве псевдонима для обозначения абсолютного социального зла. Объяснительная всеядность этого концепта не имеет аналогов: он объявляется причиной всего и вся — от засилья на современном телевидении реалити-шоу до пандемии COVID-19. В качестве идеологического клише он призван сигнализировать, что те, кто не разделяет прогрессистских идей или разделяет их недостаточно, — моральные монстры, что автоматически исключает возможность какой бы то ни было содержательной дискуссии с ними. В то же время семантически этот термин остается пустотным, лишенным каких-либо устойчивых референтов в реальном мире. Его научное содержание равно нулю: поскольку им может обозначаться все что угодно, он не означает ничего. Его активное употребление левыми интеллектуалами можно считать частным случаем их общей дискурсивной стратегии: использовать термины не для названия чего-то, а для обзывания кого-то — для пригвождения любых потенциальных оппонентов к позорному столбу, заменяя таким образом диалог монологом.

Поскольку живых неолибералов, против которых направляется непрерывно растущий вал критической литературы по неолиберализму, никто не видел (так как их не существует в природе), рассуждения о нем неизбежно приобретают характер академически респектабельной теории заговора: где-то когда-то втайне от всех собрался какой-то «мыслительный коллектив», придумавший зловердную неолиберальную идеологию, которая невидимыми путями распространилась по всему миру и утвердила свое господство везде и всюду²⁴. В рамках этого нарратива неолиберализм принимает вид безликого

²⁴ И в США и в Великобритании сегодня существуют маргинальные левоцентристские и правоцентристские группы, пытающиеся переключить термин «неолиберализм» из негативного регистра в позитивный и использовать его для обозначения очередной программы Третьего пути (между «плохим» капитализмом и «плохим» социализмом) (см., например: <https://exponents.substack.com/p/what-neoliberals-believe>; <https://s8mb.medium.com/im-a-neoliberal-maybe-you-are-too-b809a2a588-d6>). На рынке политических идей эти группы практически незаметны и, естественно, гигантский поток публикаций, посвященных развенчанию неолиберализма, адресуется не им.

метафизического зла, распростершего крылья над всем человечеством и ведущего его от одной катастрофы к другой.

В заключение — пара простых практических соображений. Для левых теоретиков употребление слова «неолиберализм» создает зону интеллектуального комфорта. Поэтому если кто-то не разделяет их идеологических установок, ему не стоит пользоваться этим термином, или, если уж без него никак нельзя обойтись, надо стараться по возможности брать его в кавычки. Вместе с тем если у кого-то вдруг возникнет потребность применить к своему оппоненту сильноедействующее дискурсивное средство, смело записывайте его в неолибералы, не промахнетесь: позорное клеймо ему точно будет обеспечено...

Источники

Мизес Л. (2001). Либерализм. М.: Социум.

Потунда Р. (2016). Либерализм как слово и символ. Борьба за либеральный бренд в США. М.: Социум.

Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО.

Adler M. (1922). Die Staatsauffassung des Marxismus. Vienna: Wiener Volksbuchhandlung.

Anderson P. (2000). Renewals // New Left Review. Vol. 238. No. 1. P. 5–24.

Becker G.S. (1964). Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. N.Y.: National Bureau of Economic Research.

Becker G.S. (1968). Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. Vol. 76. No. 2. P. 169–217.

Becker G.S., Ewald F., Harcourt B.E. (2012). Becker on Ewald on Foucault on Becker: American Neoliberalism and Michel Foucault's 1979 "Birth of Biopolitics Lectures." Chicago: University of Chicago. Institute for Law and Economics. Olin Research Paper No. 614.

Boas T.C., Gans-Morse J. (2009). Neoliberalism: From New Liberal Philosophy to Anti-Liberal Slogan // Studies in Comparative International Development. Vol. 44. No. 2. P. 137–161.

Brenner N., Peck J., Theodore N. (2010). Variegated Neoliberalization: Geographies, Modalities, Pathways // *Global Networks*. Vol. 10. No. 2. P. 182–222.

Castree N. (2006). From Neoliberalism to Neoliberalisation: Consolations, Confusions, and Necessary Illusions // *Environment and Planning*. Vol. 38. No. 1. P. 1–2.

Clarke J. (2008). Living with/in and without Neo-liberalism // *Focaal*. No. 1. P. 135–147.

Comaroff J., Comaroff J.L. (2000). Millennial Capitalism: First Thoughts on a Second Coming // *Public Culture*. Vol. 12. No. 2. P. 291–343.

Crouch C. (2011). *The Strange Non-Death of Neo-Liberalism*. Cambridge: Polity.

Dean M. (2019). Foucault and the Neoliberalism Controversy // *The SAGE Handbook on Neoliberalism* / D. Cahill, M. Konings, M. Cooper, D. Primrose (eds). L.: SAGE Publications. P. 40–54.

Dilts A. (2011). From “Entrepreneur of the Self” to “Care of the Self”: Neo-Liberal Governmentality and Foucault’s Ethics // *Foucault Studies*. No. 12. P. 130–146.

Dunn B. (2017). Against Neoliberalism as a Concept // *Capital and Class*. Vol. 41. No. 3. P. 435–454.

Ebeling R.M. (2017). Neoliberalism Was Never about Free Markets (<https://fee.org/articles/neoliberalism-was-never-about-free-markets/>).

Flew T. (2014). Six Theories of Neoliberalism // *Thesis Eleven*. Vol. 122. No. 1. P. 49–71.

Friedman M. (1962). *Capitalism and Freedom*. Chicago: University of Chicago Press.

Gide Ch. (1898). Has Cooperation Introduced a New Principle into Economics? // *Economic Journal*. Vol. 8. No. 32. P. 490–511.

Green T.H. (1881). *Liberal Legislation and Freedom of Contract*. Oxford: Slatery & Rose.

Haag J.J. (1966). *Othmar Spann and the Ideology of the Austrian Corporate State*. Master’s Thesis. Houston: Rice University.

Hansen M.P. (2015). Foucault’s Flirt? Neoliberalism, the Left and the Welfare State // *Foucault Studies*. No. 20. P. 291–306.

- Hartwich O.M.* (2012). *Neoliberalism: The Genesis of a Political Swearword*. Melburn: Centre for Independent Studies. Occasional Paper No. 114.
- Harvey D.* (2005). *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Hobson J.A.* (1909). *The Crisis of Liberalism: New Issues in Democracy*. L.: P.S. King & Son.
- Jones D.S.* (2012). *Masters of the Universe: Hayek, Friedman and the Birth of Neoliberal Politics*. Princeton: Princeton University Press.
- Klein D.* (2014). *The Origin of 'Liberalism' // The Atlantic*. February 13.
- Kolev S.* (2018). *Paleo- and Neoliberals: Ludwig von Mises and the "Ordointerventionists" / Wilhelm Röpke (1899–1966). A Liberal Political Economist and Conservative Social Philosopher / P. Commun, S. Kolev (eds)*. Cham: Springer. P. 65–90.
- Lagasnerie G. de* (2012). *La dernière leçon de Michel Foucault: sur le néolibéralisme, la théorie et la politique*. Paris: Fayard.
- Laidlaw J.* (2015). *The Concept of Neoliberalism Has Become an Obstacle to the Anthropological Understanding of the Twenty-First Century // Journal of the Royal Anthropological Institute*. Vol. 21. No. 4. P. 911–923.
- Lal D.* (2006). *Reviving the Invisible Hand: The Case for Classical Liberalism in the Twenty-First Century*. Princeton: Princeton University Press.
- Lippmann W.* (1937). *An Inquiry into the Principles of The Good Society*. Boston: Little, Brown and Co.
- Mack E., Gaus G.F.* (2004). *Classical Liberalism and Libertarianism: The Liberty Tradition // Handbook of Political Theory / G.F. Gaus, C. Kukathas (eds)*. L.: SAGE Publications. P. 115–130.
- Magness P.W.* (2018). *The Pejorative Origins of the Term Neoliberalism* (<https://www.aier.org/article/the-pejorative-origins-of-the-term-neoliberalism/>).
- Magness P.W.* (2019). *The Fairytale Of Hegemonic Neoliberalism* (<https://www.aier.org/article/the-fairytale-of-hegemonic-neoliberalism/>).
- Magness P.W.* (2020). *Coining Neoliberalism: Interwar Germany and the Neglected Origins of a Pejorative Moniker*. (Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3681101>).
- Magness P.W.* (2021). *Why I am Not a Neoliberal* (<https://www.aier.org/article/why-i-am-not-a-neoliberal/>).

Meusel A. (1924). Zür Buergerlichen Sozialkritik der Gegenwart: Der Neu-Liberalismus (Ludwig Mises) // *Die Gesellschaft: Internationale Revue für Sozialismus und Politik*. Vol. 1. No. 4. P. 372–383.

Meusel A. (1928). Das Problem der äußeren Handelspolitik bei Friedrich List und Karl Marx // *Weltwirtschaftliches Archiv*. Vol. 27. P. 77–103.

Mudge S. (2008). What is Neo-liberalism? // *Socio-Economic Review*. Vol. 6. No. 4. P. 703–731.

Ong A. (2006). *Neoliberalism as Exception: Mutations in Citizenship and Sovereignty*. Cambridge: Cambridge University Press.

Robertson W. (1769). *History of the Reign of the Emperor Charles V, with a View of the Progress of Society in Europe*. L.: W. and W. Strahan.

Rose N., O'Malley P., Valverde M. (2006). Governmentality // *Annual Review of Law and Social Science*. Vol. 2. No. 1. P. 83–104.

Rougier L. (1938). *Compte-rendu des seances du colloque Walter Lippmann*, 26–30 Aout 1938. Paris: Librairie de Médicis.

Rüstow A. (1932). *Freie Wirtschaft – starker Staat. Die staatspolitischen Voraussetzungen des wirtschaftlichen Liberalismus / Deutschland und die Weltkrise*. Hrsg. F. Boese. Dresden: Schriften des Vereins für Sozialpolitik. Vol. 187. P. 62–69.

Rüstow A. (1949). Zwischen Kapitalismus und Kommunismus // *ORDO: Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft*. Vol. 2. P. 100–169.

Rüstow A. (1950). *Das Versagen des Wirtschaftsliberalismus*. Düsseldorf and Munich: H. Küpper. 2nd ed.

Rüstow A. (1961). *Paleoliberalismus, Kommunismus und Neoliberalismus / Wirtschaft, Gesellschaft und Kultur, Festgabe für Alfred Müller-Armack / F. Greiss, F.W. Meyer (eds)*. Berlin: Duncker & Humblot.

Rüstow A. (1963). *Rede und Antwort // 21 Reden und viele Diskussionsbeiträge aus den Jahren 1932 bis 1963 als Zeugnis eines ungewöhnlichen Gelehrtenlebens und einer universellen Persönlichkeit / Hrsg. Horch W. von. Ludwigsburg: Hoch*.

Saad Filho A., Johnston D. (2004). *Neoliberalism: A Critical Reader*. L.: Pluto Press.

Schultz T.W. (1961). Investment in Human Capital // *American Economic Review*. 1961. Vol. 51. No. 2. P. 1–17.

Schumpeter J.A. (1954). *History of Economic Analysis*. L.: Routledge.

Spann O. (1931 [1926]). *Types of Economic Theory*. L.: George Allen and Unwin.

Spann O. (1931). Fluch und Segen der Wirtschaft im Urteile der verschiedenen Lehrbegriffe // *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. Vol. 79. No. 4. P. 656–672.

The Road from Mont Pèlerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective, with a New Preface (2015) / P. Mirowski, D. Plehwe (eds). Cambridge (Mass.): Harvard University Press.

Turner R. (2008). *Neo-liberal Ideology*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Van Apeldoorn B., Overbeek H. (2012). Introduction: The Life Course of the Neoliberal Project and the Global Crisis // *Neoliberalism in Crisis* / H. Overbeek, B. Van Apeldoorn (ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 1–20.

Van der Walt J. (2016). When one Religious Extremism Unmasks Another: Reflections on Europe's States of Emergency as a Legacy of Ordo-liberal Dehermeneuticisation // *New Perspectives*. Vol. 24. No. 1. P. 79–101.

Vargas Llosa M. (2000). *Liberalism in the New Millennium* // *Global Fortune* / I. Vasquez (ed.). W.: Cato Institute.

Venugopal R. (2015). Neoliberalism as Concept // *Economy and Society*. Vol. 44. No. 2. P. 165–187.

Kapeliushnikov, R.

The Adventures of “Neoliberalism” [Text] : Working paper WP3/2022/01 / R. Kapeliushnikov ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : HSE Publ. House, 2022. – 52 p. – (Series WP3 “Labour Markets in Transition”). – 35 copies. (In Russian)

The paper examines the genealogy and metamorphosis of the term “neoliberalism”. It is one of the most fashionable and widespread concepts, actively used today in wide array of social disciplines – sociology, anthropology, history, geography, gender studies, theory of international relations etc. Neoliberalism is regarded by its critics as the most successful ideology in the whole history. It is argued to constitute the meaning and essence of the modern era and to be the cause of all the problems of today’s world – inequality, poverty, climate change, globalization, financial crises, the COVID-19 pandemic, etc. The first part analyzes the unique features of this concept: the absence of real “neoliberals”; pejorativeness (used exclusively as a swear label); ideological asymmetry (existence only in the lexicon of leftist theorists); semantic emptiness; vastness. The second part examines the various historical incarnations of neoliberalism, from the original one, which emerged in Austria in the 1920s, to the contemporary one. It is shown that over the course of its life it has changed its meaning and evaluative character more than once. The author concludes that “neoliberalism” is a key element in the worldview of contemporary leftist intellectuals, where it takes the form of a faceless metaphysical evil that spreads its wings over all mankind and leads it from one disaster to another.

Препринт WP3/2022/01
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Капелюшников Ростислав Исаакович

Приключения «неолиберализма»

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 35 экз. Уч.-изд. л. 2,8.
Усл. печ. л. 3,1. Заказ № . Изд. № 2587

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Измайловское шоссе, 44, стр. 2
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»